

КИНО

Кадр из фильма «Цыганское счастье». Сашка — И. КАМЕНСКИЙ, Мария — Е. ЖЕМЧУЖНАЯ.

ПРОЗА Евгения Носова на первый взгляд не очень-то сложна для перевода на язык кино. В его рассказах и повестях всегда есть ясная и стройная фабула, полнокровные характеры, узнаваемая, или, как говорят, «жизненная» ситуация. Но есть у прозы Носова, как всегда у хорошей литературы, и «персональные» приметы — ей свойственна мягкая, проникновенная интонация, у нее певучий, меткий, богато нюансированный народный язык, в ней в редкостной гармонии слиты человек и природа. Это целостный мир: при механическом переводе такой прозы на язык другого искусства несет необратимые потери душа оригинала...

Эти мысли успевают промелькнуть, пока идут титры, из которых узнаешь, что фильм «Цыганское счастье» снят на киностудии имени М. Горького Сергеем Никоненко (он же сценарист) по рассказам Евгения Носова. И начинает разбираться любопытство: а по каким именно? Видишь на экране старую кузню и седого крахмистого мастера Захара с поковкой в руке и догадываешься: это «материал» новеллы «В чистом поле за проселком». Подходит к кузнице усталая, грустноглазая цыганка с урюмым курчавым пареньком — и, довольный собственной начитанностью, смекаешь: сюжет рассказа «Варька». Потом мы узнаем голоса еще двух рассказов — «Портрет» и «Шуба». Но любопытства уже не будет. Будет интерес, потом — волнение, и оно уже не отпустит до последнего кадра.

Говоря о произведении искусства, всегда трудно ответить на вопрос «как это сделано?», в то время как ремесло обнажает швы. Швы видишь именно тогда, когда все скроено «без божества, без вдохновения». Если мы скажем, что в «Цыганском счастье» Сергей Никоненко, «сшив» четыре рассказа и перестроив иные сюжетные ходы, создал органичное целое, — это будет правда. А если глубже проникнуть за оболочку? «Как»? Вспомнив прежние ленты Никоненко — «Петрухина фамилия», «Трын-трава», «Целуются зорил», — мы поймем: у него тоже, как и у Носова, есть любимейшая сквозная тема — постижение и раскрытие народного характера на материале современного села: есть и у него интерес к событиям будничным, внешне неярким, за которыми, однако, только проникни взглядом, откроются сполохи жаркого жизненного огня.

Так в нем же все-таки цыганское счастье Марии (Е. Жемчужная) и сына ее Сашки (И. Каменский), однажды летним днем появившихся в деревне Серпилки? Кино и раньше не раз обращалось к «цыганской теме», успев создать в зрительском воображении устойчивый образ кочевой таборной вольницы, знойных песен и плясок, «роковых страстей». В одной из не очень давних картин красавицу цыганку спрашивают: что же вы за люди такие, цыгане, чего вам в жизни надо? И она отвечает: «А ничего, кроме дороги...». В фильме «Цыганское счастье», по сути, поставлен тот же вопрос. Но ответ дан иной. Совсем иной.

Они безмерно устали от полуголодной кочевой жизни, эти одинокие люди, невеста откуда пришедшие однажды в Серпилки. Им осточертела «дорога», они ее не по фильмам знают. Им нужны постоянный кров, работа, земля, чтобы пустить корни. Но ведь в сознании сельчан тоже живет устойчивый «цыганский» образ; и здесь найдутся такие, кто с большим сомнением отнесется к желанию «ромэнов» поселиться в Серпилках: ненадежный народ, птицы перелетные, одно слово — цыгане...

ЧТО ЖЕ НУЖНО ЦЫГАНУ, КРОМЕ ДОРОГИ?

Новый фильм по рассказам Евгения Носова

Но больше в Серпилках оказалось других, кто близко к сердцу принял печальную неприкаянность Марии и Сашки. Это прежде всего старый кузнец Захар — великолепная актерская работа нестареющего Николая Крючкова; это председатель колхоза Денис Иванович, точно найденный самим Сергеем Никоненко; это крестьянка Анюта, колоритно сыгранная Лидией Федосеевой-Шукшиной. Над ясноглазой дочкой ее Варькой и цыганом Сашкой — наступит час — пролетит вечная птица любви... Люди не просто «впустили» пришлых, дали им угол, приставили к делу: Марию определили в доярки, сына — конюхом. Они их приняли в свою жизнь с великой человеческой деликатностью, осознав, какой горький опыт за плечами у Марии и Сашки, что самое для них важное сейчас — это участие и доверие. Будет случай: Сашка не удержится и припрячет оброненные одним из сельчан часы, тот поднимет шум, прибежит к Захару... А что же кузнец? Он снимет со своей руки именные часы и подарит их Сашке, мимоходом сказав, что верит в него, знает, что не посрамит он Захарова имени. И Сашка, стояя от стыда, помнитца и вернет злосчастные припрятанные часы владельцу. Так неназойливо учит мудрый Захар Сашку новой жизни, и паренек постепенно оттаивает, теряет колкую настороженность, распускаясь душой навстречу людям.

Человека делает человеком многое, но важнейшим «словием» был и остается труд. Однажды в Серпилки придет большое горе — прямо возле наковальни упадет мастер Захар, не от старости умрет — от старых военных ран. Опустела кузня, погас огонь в горне, не бухает молот в переключку с молотком. Казалось, навсегда осиротел мастеровой люд сразу в нескольких селах: Захар ведь мог работать самую заковыристую деталь — к машине ли, к трактору... Но осенью, под праздник, вновь запоет наковальня, и удивятся люди: кто? откуда? А это Сашка: он звезду выковывал на могилу Захара. Значит, не сгинуло Захарово ремесло, значит, сделал Сашка главный шаг к себе — к человеку.

Но человека человеком делает еще и культура. Сашку же, понятное дело, в таборе грамоте не учили. А ведь и тут знал старый кузнец, с чего Сашкино образование начинать. С поэзии, с Пушкина. И мы видим, как мучительно складывая губы, преодолевает Сашка непокорность стихотворных строк, как рожда-

ется в нем новая музыка, завораживает... «Это Сандро Пушкин написал, цыган», — торжественно скажет он Варьке. И она, поняв, что творится у него в душе, не станет спорить, скажет: «Пушкин — он для всех...».

В рассказе «Варька» Евгений Носов удивительно поэтично написал о зарождении чувства между Сашкой и Варькой, о той быстролетной поре на рубеже отрочества и юности, когда все впервые — робкие влюбленные взгляды, прикосновения рук, первый поцелуй. В фильме об этом рассказано с такой же целомудренной чистотой и нежностью. И удивительна верность ноты, взятой молодыми актерами Мариной Яковлевой и Иваном Каменским. В картине есть эпизод: Варька после ночного купания в сонной речке увидит в поле далекий огонек, выйдет к Сашкиному косяку... У Носова: «...Ночь сияла, искрилась щедрым, непрерывно струящимся луно-голубым свечением, в логу звенели путами юны и пьяняще пахло аиром, разбавленным конскими пометами. От этого ощущения ночной светлой земли Варька испытывала в себе радостную легкость и тихое ответное линование».

Как передать это на экране? А передано! Ведь есть такое: порой в фильмах операторская работа превосходит, но как-то сама по себе, внесюжетно, что ли... В «Цыганском счастье» камера Михаила Гойхберга не просто поэтична — ее «взгляд» идет словно бы «изнутри» самих героев.

Варька взлетит на коне, ликующе крикнет: «Догоняй!» И вот они, занявшись от счастливой искры, мчатся среди влажных ночных трав, и он догонит ее, и случится то, от чего у нее потом «...хмельно путались мысли, почему-то не шли, деревенели ноги, и губы все еще обожженно и стыдливо горели и казались недвижными и чужими».

Свободен ли фильм «Цыганское счастье» от «отдельных недостатков»? Не совсем. Не очень органично, как мне кажется, влетает в ткань ленты «Синия» деда Синявкина, того самого, что ходил в праздники из избы в избу и везде «принимал» по стопочке. Наверное, более четко разработанным мог бы быть и рассказ о Марии — где-то с половины фильма в ее образе слабеет эмоциональная наполненность и протупает функциональность. Но эти шероховатости не снижают значения фильма. Он насвозь пронизан искренним чувством; состоялся разговор о ценностях вечных, о том, что только доброте и нежности раскрываются сердца.

Фархад АГАМАЛИЕВ